

ANNALES CONTEMPORAINES

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПИСКИ**

**ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ**

XLVI

1931

ПАРИЖЬ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLVI

1931
ПАРИЖЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. М. Аддановъ. — БѢГСТВО (Романъ).	5
2. В. Сиринъ. — ПОДВИГЪ (Романъ).	86
3. Александра Толстая. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ.	138
4. Марина Цвѣтаева. ШКОЛА СТИХА. ПЛАЧЪ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ (Стихотворенія).	160
5. Георгій Адамовичъ. — БАЛЛАДА (Стих.).	163
6. Ник. Оцупъ. — ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.	164
7. Б. Поплавскій. — ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.	166
8. Георгій Раевскій. — ИЗЪ ЦИКЛА «ЗИГЛИНДА».	169
9. Н. Шкляева. — ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.	172
10. Б. Зайцевъ. — ЖИЗНЬ ТУРГЕНЕВА.	228
11. В. Маклаковъ. — ИЗЪ ПРОШЛАГО.	263
12. С. Николаевъ. — КОНЕЦЪ КОМУЧ-а.	287
13. С. I. Гессенъ. — БОРЬБА УТОПИИ И АВТОНОМИ ДОБРА ВЪ МІРОВОЗРѢНІИ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО И ВЛ. СОЛОВЬЕВА.	321
14. Ст. Ивановичъ. — О КЛАССОВОМЪ СОЗНАНІИ.	352
15. Г. Федотовъ. — ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕЙ РОССИИ.	378
16. К. Зайцевъ. — СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬНОГО КРѢПОСТНОГО СТРОЯ ВЪ РОССИИ.	396
17. М. Вишнякъ. — О СУДЬБАХЪ РОССИИ.	428

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

18. З. Гишпюсъ. — АВАНТЮРНЫЙ РОМАНЪ.	458
19. Петръ Пильскій. — ИСТЕРЗАННЫИ. (Къ столѣтію рожденія Лѣскова).	463
20. Б. Нольде. — ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БЮЛОВА.	474

21. КРИТИКА, И БИБЛЮГРАФІЯ.

Ф. Степунъ. — Иванъ Бунинъ: Божье Древо.	486
М. Аддановъ. — Д. Мережковскій. Тайна Запада. Атлантида-Европа. Бѣлградъ. Русская Библиотека.	489

М. Цетлинъ. — М. Алдановъ: Десятая Симфонія.	491
К. Мочульскій. — Мих. Осоргинъ: Чудо на озерѣ.	493
М. Алдановъ. — В. Ф. Ходасевичъ: Державинъ.	496
Мих. Осоргинъ. — Тэффи: Книга Июнь.	498
Ал. Новикъ. — Юрій Фельзель: Обманъ.	499
К. Мочульскій. — Розы. Стихи Георгія Иванова.	501
М. Цетлинъ. — Б. Поплавскій: Флаги. Изд. «Числа»	503
Мих. Осоргинъ. — Числа.	505
М. Алдановъ. — И. С. Тургеневъ: Полное собраніе художественныхъ произведеній. Десять томовъ.	508
В. Вейдле. — М. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востоку.	510
Ек. Кусова. — М. В. Вишнякъ: Два пути (Февраль и Октябрь), 285 стр. Изд-во «Соврем. Записки».	511
А. Кизеветтеръ. — Русская историографія въ оцѣнкѣ совѣтскихъ историковъ. Русская историческая литература въ классовомъ освѣщеніи.	514
П. Бруцкусъ. — Paul Haensel: Die Wirtschaftspolitik Sowjetrusslands. — Verl. J. C. V. Mohr (Paul Siebeck).	520
П. Бицилли. — А. М. Топоровъ: Крестьяне о писателяхъ.	522
П. Бицилли. — Творческая исторія. Исслѣдованія по русской литературѣ. Редакція Н. К. Пиксанова. Москва, 1927.	524
Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію «Современныхъ Записокъ».	526
Объявленія.	528

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Авантюрный романъ

1.

Мы его, конечно, презираемъ. Мы съ горестнымъ сожалѣніемъ смотримъ на читающихъ эти романы и съ тревогой слѣдимъ, какъ все растетъ число «нетѣпыхъ» книгъ.

Вѣдь извѣстно же, что такое авантюрный романъ. Кто даже не раскрывалъ ни одного, и тотъ знаетъ; по крайней мѣрѣ увѣренъ, что знаетъ. Спросить — скажутъ много вѣрнаго, дадутъ опредѣленія, съ которыми и спорить нельзя. Скажутъ, напримѣръ, что это даже не плохая литература, а вовсе «не литература»; что человеку, мало-мальски понимающему, что такое «слово», и говорить не пристало объ этой детективно-авантюрной чепухѣ...

За опредѣленіями слѣдуютъ точчасъ общіе выводы, весьма печальные: если подобныя «романы» находить, въ наше время, милліоны читателей (а они находятъ) то какое паденіе вкуса! Какое пониженіе культурнаго уровня! И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: грудь этихъ разлагающихся книгъ заваливаютъ путь къ настоящей литературѣ.

Опредѣленія-то «романа», раз-

сматриваемаго подь специальнымъ угломъ зрѣнія, — вѣрны: да, не «литература»; подь литературную нашу мѣрку это никакъ не подходитъ. А вотъ съ общими отсюда выводами, — относительно паденія культурнаго уровня, разложенія вкуса въ наше время и т. д. — слѣдуетъ погодить. Еще никакихъ заключеній нельзя вывести изъ того обстоятельства, что милліоны современныхъ читателей тянутся къ книгѣ безстильной, безискусственной, реалистически-сказочной, не пошлой, но — не «литературной». Можетъ быть, разумнѣе будетъ освободить послѣвоенный авантюрный романъ отъ суда литературнаго, вынести на свѣтъ «книгу» вмѣстѣ съ безчисленными ея читателями и взглянуть на все это какъ на **явленіе**, — одно изъ человѣческихъ явленій нашей современности. Такъ мы, пожалуй, ближе подойдемъ и къ «роману», и къ современному человеку-читателю; да и къ самой современности, кстати.

Одинъ вопросъ, прежде всего: неужели кто нибудь изъ смотрящихъ съ такимъ сокрушеніемъ на досадный «романъ» и милліоннаго его читателя, серьезно думаетъ, что не будь этого романа, — тотъ

же миллионъ читаль бы, къ своему благополучію, Пруста, Моріака, Валери, Джойса, Жюль, или хоть Кокто? (Не мнѣ отрицать, что все это «литература», даже Кокто).

Нѣтъ, миллионы читателей современнаго авантюрно-детективнаго романа, въ громадномъ большинствѣ, — **новые** читатели; и во многимъ причинама, они не читали бы ничего, не будь такого романа: ни Моріака, ни Джойса, да и не Флобера, ни Гете, — совсѣмъ ничего. Лишняго экземпляра не продать бы сегодня Моріакъ или Жуандо, если-бъ романовъ въ желто-красныхъ переплетахъ и во все не появлялось.

Новые миллионы читателей — они же и миллионы людей нашего **новаго** времени, или новой настоящей минуты. О нихъ, съ ихъ «глупымъ» романомъ, безъ психологии, безъ описаній природы, безъ подобія стиля, я и хочу поговорить.

2.

Думають, что авантюрные романы можно писать безъ таланта. Нѣтъ, талантъ отъ автора очень требуется, хотя и не совсѣмъ похожий на то, что мы привычно зовемъ «талантомъ».

Авантюрный романъ — типиченъ; въ каждомъ присутствуютъ тѣ-же, главныя, черты; неотъемлемая, ибо на нихъ-то онъ и держится. Чѣмъ талантливѣе авторъ, тѣмъ ярче у него эти черты, и тѣмъ совершеннѣе романъ, т. е. ближе къ своему собственному идеалу.

Благодаря типичности нѣтъ нужды останавливаться на той или

другой книгѣ изъ миллиона. Можно взять любого автора, только выбрать болѣе талантливаго.

Я выбираю англичанина. Англійскій романъ этого рода вообще гораздо характернѣе французскаго (и нѣмецкаго).

Изъ англичанъ я выберу Эдгара Уоллеса, какъ самаго типичнаго и, въ смыслѣ требуемаго таланта, очень совершеннаго. Но, говоря объ Уоллесѣ, я буду говорить обо **всѣхъ**.

Кстати, изъ всѣхъ современныхъ романистовъ подобнаго сорта — онъ и наиболѣе извѣстенъ. Совсѣмъ не напрасно на каждой обложкѣ стоитъ: «It is impossible not to be thrilled by Edgar Wallace», — т. е. невозможно не быть захваченнымъ, или прозякнутымъ, Э. Уоллесомъ. Онъ, должно быть, изъ всѣхъ этихъ «жизненныхъ» романистовъ, особенно придется къ современной жизни.

Что она такое, однако, послѣвоенная европейская (или мировая) жизнь? Какъ ее воспримлетъ, что въ ней чувствуетъ новый средній человѣкъ? Вотъ эти «милліоны» всѣхъ среднихъ ступеней социальной лѣстницы, — «демось» въ наиболѣе широкомъ смыслѣ?

Типичный сегодняшній человѣкъ, врядъ ли много «размышляетъ» о жизни. Онъ ею живетъ, воспринимаетъ ее изнутри. Размышлять же и некогда вѣдь жизнь эта, если взять ее самымъ грубымъ, общимъ чертой, — все ускоряющееся **движеніе**. Бѣтъ наперегонки, въ тѣснотѣ. Въ постоянной борьбѣ и работѣ — монотонность мелькающихъ дней. Злая усталость, безлокойное ожесточеніе. И, естественные, туго же рядомъ, порывы куда-то, все равно куда, къ кому и къ чему,

только прочь отъ утомленія и го-ски.

Въ порываніяхъ этихъ (ко всевозможнымъ «зрѣлищамъ», на-примѣръ) да и въ тоскѣ, многи стихійнаго; но на стихійномъ эле-ментѣ мы не будемъ останавли-ваться. Онъ свойственъ общей жизни всѣхъ временъ. А мы гово-римъ объ образѣ нашего «се-дня», идѣ все ново, ибо по ново-му подчеркнуто, напряжено, идѣ выросшія противорѣчія жестоко сталкиваются, какъ брошенные ма-чи.

Къ такой жизни сегодняшніе люди не то что приспособились, а взяли ее, какъ дѣйствительность. Она ихъ данное.

Но во всѣ времена исторіи лю-ди есть люди. И драгоцѣннѣйшее ихъ человѣческое свойство — че-ловѣчаться даннымъ, или **желаннаго**.

Меньшая часть человѣчества, та, которая всегда стояла на верх-нихъ ступеняхъ своей историче-ской дѣятельности (чтобы не сказать «передовая» часть, или «избран-ная») — желанное свое такъ бра-ла широко, создавала такіе бы-стательные его образы, что, ка-залось, между ними и реально-даннымъ уже нѣтъ связующихъ нитей; нѣтъ мостовъ. Не нуже-ли сначала весь міръ въ корѣ передрать, чтобы воплотителъ мечты?

Высокія мечтанья, необходимая міру, но... для громадной массы человѣчества они слишкомъ явно оставались мечтаньями. Люди, жи-вущіе внутри своей дѣйствитель-ности, не представляють себя же-ланное иначе, какъ въ видѣ той-же дѣйствительности, но — **испра-вленной**.

И это мечты, конечно. Если ихъ развернуть — тоже понадобится, пожалуй, коренная передѣлка мі-ра. Вѣдь не отъ исправленія же однихъ чисто-вышнихъ формъ она (если-бы такое исправленіе было возможно) станетъ дѣйст-вительно «желанной»? Это члѣ-ствуютъ самые безсознательные.

Здѣсь надо вспомнить, откуда беретъ свое начало вѣчночеловѣ-ческое стремленіе отъ даннаго — къ желанному. И у мечтателей, мирящихся только съ преображен-ной землей, и у всѣхъ остальныхъ, скромно желающихъ дан-ное исправить, — лежитъ, на глу-бинѣ, нѣсколько первичныхъ, не-разложимыхъ, природно-человѣ-ческихъ чувствъ. Все тѣхъ-же са-мыхъ. Во имя нихъ-то и стреми-ся человекъ отъ всякаго даннаго къ какому-то желанному (или, иначе, должному).

Чувствъ этихъ, въ первичности неразложимыхъ, въ человѣчествѣ, вѣчныхъ, — не много. Одно изъ нихъ — **чувство справедливости**.

Не будемъ касаться сложностей, какими можетъ облекаться это чувство, ни путей его извращенія или, напротивъ, преобразования. Мы говоримъ о первоначальности, о простомъ и простыхъ. Въ частно-сти, о челоѣкѣ настоящей исто-рической минуты.

Современный челоѣкъ очень реалистиченъ, ибо очень реали-стична сама его дѣйствительность. Поэтому и желанное не можетъ облекаться для него въ сугубо-реальные формы дѣйствительной жизни. Даже повседневной, — какъ бы его собственной. Совсѣмъ какъ бы той же, и случается въ ней почти тоже. Чуть-чуть лишь во-шломъ, дни потеряли тяжкую ма-

нотонность, случаи интересны, удивительны, положенія опасны, рѣшенія смѣлы; а главное — кончается все, для всѣхъ, **по справедливости**. Такъ, какъ требуетъ человеческое понятіе о справедливости, то-есть, хорошо и достойно (желанно).

Вотъ эту близкую, пужную, ободряющую, утѣшающую мечту-надежду и даетъ миллионамъ людей современный «авантюрный романъ»

3.

Эдгаръ Уоллесъ (повторяю, это касается всѣхъ авторовъ и всѣхъ романовъ даннаго типа) почти не рисуетъ ни людей, ни обстановку. Предполагается, что люди читателю и такъ извѣстны: онъ встрѣчаетъ подобныхъ на каждомъ шагѣ, онъ, пожалуй, и самъ одинъ изъ нихъ, съ очень понятными обыденными желаніями: удача, любви, денегъ. Мелодраматическихъ злодѣевъ и ангеловъ нѣтъ у Э. Уоллеса, какъ нѣтъ ихъ и въ жизни. Лишь чуть-чуть получше у него хорошіе, похуже — дурные; посмѣлье смѣлые, половичье ловкіе

Въ ту же мѣру исправлена и обстановка: стегка преувеличенны бытовья «чудеса» техники; здѣсь маленькая выдумка за фантастичность не будетъ принята.

Главная выдумка и талантъ автора направлены на созданіе **положеній и дѣйствій**. Но даже тутъ надо, чтобы положенія самыя невероятныя, обстоятельства самыя исключительныя, дѣйствія самыя смѣлыя и опасныя имѣли видъ

реально возможныхъ. Только при этомъ условіи читателя захватитъ рассказъ: вѣдь ему, читателю, нужно вѣрить, что завтра и съ нимъ это можетъ случиться. Какъ онъ попуститъ тогда? Передъ нимъ задача: какъ она рѣшается? А рѣшеніе есть, и рѣшеніе настоящее, ибо хоть и страшно положеніе — не погибнетъ правый: это было бы несправедливо. И молодая дѣвушка, въ какое бы полеземелье ни была заключена — не падетъ неминной жертвой, а соединится, въ концѣ, съ тѣмъ, кто любитъ. Человѣкъ же дурныхъ поступковъ, если и уйдетъ отъ суда человеческого, — все равно не уйдетъ отъ судьбы. Иначе опять несправедливость; опять, значитъ, вотъ эта, данная, но **исправленная**, дѣйствительность... Насмотрѣлся на нее человѣкъ, знаетъ ее, своими боками испыталъ, — зачѣмъ будетъ онъ, въ краткую минуту отдыха, къ ней-же возвращаться? Зачѣмъ ему книга, гдѣ эта жизнь, хотя-бы съ самой великолѣпной вѣрностью и наилучшимъ стилемъ, описана? Къ стилю онъ равнодушенъ, а чѣмъ вѣрнѣе изображеніе даннаго, тѣмъ больше и скучнѣе

Ну, а книги далекихъ мечтаній? Сказки? Фантастика?

Нѣтъ, человѣкъ реалистическаго нашего времени не вѣритъ фантазіямъ. Слишкомъ связанъ онъ съ дѣйствительностью. И только тогда, когда видитъ ее-же, близкую, но желанно-исправленную, — только тогда является у него — совѣсть по катехизису! — спасительная «вѣра въ жегаемое и ождаемое, какъ бы въ настоящее».

Прибавлю два слова о «справедливости».

Романы Уоллеса называютъ иногда «полицейскими». Сыщикъ, молъ, выслѣживаетъ вора, ловить, тащить въ Скотландъ-Ярдъ, и все это кончается торжествомъ «закона».

Будь такъ, пожалуй, и не стоило-бы много разсуждать объ этихъ «жандармскихъ» книгахъ. Но это не такъ.

Послѣвоенный человѣкъ, имя которому миллионъ, недовольный «давнымъ», не дѣлаетъ исключенія для данныхъ правительства съ данными законами. Онъ отдалчо знаетъ, что, дѣйствуя во имя закона, очень можно оказаться дѣйствующимъ противъ справедливости. И обратно.

У нашего автора, Э. Уоллеса, есть цѣлая серия связанныхъ между собою романовъ. «Законъ четырехъ справедливыхъ людей», «Трое справедливыхъ», «Опять трое справедливыхъ» и т. д.

Эти справедливыя («Just men») какъ разъ и дѣйствуютъ, сообщивъ, противъ «закона», защищаютъ попавшихъ въ грубое его колесо, списываютъ виновныхъ передъ нимъ, но невиновныхъ передъ внутреннимъ, человѣческимъ закономъ справедливости.

«Just men» и сами едва не погибаютъ въ борьбѣ. Не погибаютъ, конечно (кроме одного изъ нихъ), иначе какъ бы торжествовала справедливость? А безъ ея торжества — какъ сохранить бы романъ одну изъ тайнъ своей истинности?

4.

Большинство читателей не задумывается, конечно, надъ своимъ

влеченіемъ къ этимъ новымъ сказкамъ современности, не разбирается. Да и авторы создаютъ ихъ такъ, а не иначе — по интуиціи. Авторы вѣдь, такіе же «средніе» люди. А мы о нихъ и говорили; во всякомъ случаѣ — о захваченныхъ круговоротомъ современной жизни, съ ея обостренной жестокостью и противорѣчіями.

Не сомнѣваюсь, однако, что если-бы у когонибудь нашлось время и охота поразмышлять надъ своей тягой къ Уоллесамъ, — онъ согласился бы съ моими догадками.

Но я хочу пойти дальше.

Оправдать авантюрно-детективный романъ передъ огульно-презирающими его — тѣмъ, что хотя, молъ, онъ и нелѣпъ, но для средней массы новыхъ читателей годенъ, — плохое это было бы оправданіе! Въ немъ остается бы элементъ, если не презрительности, то снисхожденія, — и къ роману, и къ «среднимъ» людямъ.

Нѣтъ, въ наше время такой романъ находить и другое оправданіе.

Въ наше время онъ нуженъ — или бываетъ нуженъ — не какому-то среднимъ людямъ, но почти всѣмъ.

Это можетъ показаться ересью, но фактъ простъ, и просты объясненія.

Прежде всего: такъ называемый «средній кругъ» гораздо шире, чѣмъ думаютъ, а жизнь наша, да и та же минута исторіи, непрерывно это еще расширяетъ. Именно жизнь-то все больше уравниваетъ несреднихъ и среднихъ, въ себѣ уравниваетъ, заставляя всѣхъ вептѣться въ своемъ колесѣ, нести тяжесть, тѣсниться, толкаться,

уставать, падать, подниматься и снова тянуть обретенную лямку. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ труда, усталости и ожесточенія, всё мы одно, всё борцы съ дѣйствительностью.

И если не считаться съ исключениями и не брать частностей (о дѣльныхъ странъ и народовъ) — смѣло можно сказать, что это касается, болѣе или менѣе, всей жизни міра въ данный моментъ.

Не одни, значитъ, внутренне-средніе люди захвачены и оглушены реальной дѣйствительностью. Не у нихъ однихъ краткіи минуты отдыха. Оторваться съ всёмъ, выйти изъ нея, — нельзя. некогда: для этого нужны не минуты, а цѣлые мѣсяцы освобожденнаго отъ тревогъ существованія.

Но забыться, забыть все, чѣмъ жизнь мучила и мучить, все до конца, въ самую чистую дѣтекую

простоту погрузиться, — можно: эту простоту даетъ книга безъ искусства, безъ высокихъ мечтаній, безъ сложности мысли, легкая, какъ далекій гомонъ птицъ.

Я знаю людей, вовсе не «среднихъ» въ обычномъ смыслѣ, которые признаются (есть, навѣрно, и другіе, только не признаются, условно стыдятся), что имъ, въ иные минуты, лишь одинъ какойнибудь Уоллэсъ можетъ дать настоящій отдыхъ: отдыхъ всему, что въ человѣкѣ отдыха требуетъ.

Если такъ, то не имѣетъ ли эта книга права на свое мѣсто, — не въ литературѣ, — а въ самой жизни нашей? Пусть одного она забавляетъ, пусть другого утѣшаетъ, третьему даетъ отдохновеніе, все равно: разъ она это дѣлаетъ — она нужна

З. Н. Гиппіусъ.